

Роман Верейжин

СКАЗАНИЕ
ОБ АРСАРИИ

Тайна

Книга первая

ПЕРМЬ 2009

Верейжин Роман
В 31 Сказание об Арсарии. Тайна. – Пермь: 2009. – 316 с.: вкл.

Роман Верейжин (Р. Н. Овсянкин) – по профессии инженер-конструктор в области строительства. Родился в Казахстане и после окончания Евразийского университета им. Л. Гумилева (г. Астана) вместе с семьей приехал в г. Пермь. С детства писал стихи и увлекался фантастикой.

«Сказание об Арсарии» – первый литературный опыт молодого автора в прозе. Читатель этой книги погружается в придуманный мир, полный тайн и необыкновенных приключений, что и определяет жанр произведения – фэнтези. Сопутники и противостоящие друг другу люди, силы природы, звери, реальные и нереальные существа – все сливается в единый мир, что создает цельную завораживающую картину происходящего.

Поиску и осознанию истины, а также своего призвания, посвящает себя главный герой произведения. Именно через него автор пытается донести до читателя основную мысль – каждый не только ответственен за себя, за жизнь близких, за все, что его окружает, но и сам является носителем уникального неповторимого мира. Автор убежден – без осознания этого будущего нет. В этом и состоит основная мысль книги «Тайна» – первой в дилогии «Сказание об Арсарии».

ТАЙНА

Глава 1

И СОН И НЕ СОН

Эта история могла произойти в любом месте земного шара и даже в любое время. Более того, она до сих пор может произойти с каждым из вас и быть совершенно не похожей или похожей на ту историю, которую я расскажу вам.

Случилось это где-то в начале двадцатого века. Ну да, конечно, это было именно в начале двадцатого века, тогда, когда верили еще в старое, доброе, но тревожное настоящее вынуждало людей жить уже в ожидании страшного будущего. А почему страшного? Да потому, что на земле из раза в раз становилось все больше нехороших людей и людей, которые просто ничего не желали, но что-то мне говорит о том, что эти люди порой бывали даже хуже просто нехороших. Да, в этом мире всегда кто-то чего-то не хотел или кто-то что-то не мог. Да, собственно, поэтому и возникали такие печальные или чего хуже — трагичные истории в судьбах многих людей, когда они страдают от нелюбви, равнодушия и жестокости ничего не желающих и ничего «не могущих» человеческих сердец.

Что же касается места действия, то произошло это в одном малоизвестном, однако довольно немаленьком, по тем временам, городе Вермь — там, где на одной из главных улиц суетно и непрестанно толкутся деловитые прохожие в цилиндрах, бархатных воротниках, лощеных ботинках, и кто его знает, что еще они могут на себя надеть для того, чтобы выделиться на фоне себе подобных граждан этого города. Там же мы можем встретить уйму магазинчиков и прилавков, торгующих всеми теми вещами и продуктами, которые столь необходимы для суетно живущих граждан этого города. И там же мы с вами найдем одну непростую, я бы даже сказал, очень непростую мануфактурную лавку. На самом деле в таких городах и на таких улицах можно встретить немало подобных лавок, но нас не будут интересовать они, нас будет интересовать наша — непростая лавка.

Давайте начнем с того, что подобные магазины пользовались в то время неплохой популярностью, ведь именно в них можно было встретить почти все, что угодно и необходимо для жизни. Например, керосиновую лампу и даже электрическую лампочку, полотенце или хорошую вехотку, молоток, умную книгу, часы с музыкой и многое, многое другое. Но что же мы увидим в нашей — непростой вещевой лавке? Да все то же самое,

что и в других. Она была почти такая же, как все лавки вокруг, но не совсем: ее хозяин отличался от других владельцев подобных ей заведений своей загадочной любовью к антикварному и порой даже непонятному, на первый взгляд, товару (как многие бы сказали — хламу). И хоть весь этот товар залеживался на его полках, не пользуясь большой популярностью у покупателей, все равно их хозяин с завидным постоянством держал эти вещи у себя на прилавке, как будто ожидая прихода их истинных владельцев. Ко всему прочему можно добавить, что для подобного рода вещей хозяин, господин Вселдвин, как его величали все покупатели в округе, предусмотрел даже отдельную полку в отдаленном месте, потому как люди неохотно обращали на них внимание, а если и обращали, то абсолютно не верили их необычной цене и искали в этом какой-то подвох.

Вещей было, собственно, немного и на момент нашего появления в лавке на запыленной от времени полке лежали старая труба, невзрачная книга, масляный светильник и непонятная пара каких-то ботинок. Интересно, не правда ли, что за вещи хранил хозяин лавки и за какую такую цену он продавал их? Давайте послушаем разговор, который состоялся между покупателем и хозяином как раз в тот момент, когда мы там появились. Смею предположить, что такие разговоры нередко возникали в этой лавке, так как любопытных и любознательных людей в этом мире отнюдь не становится меньше. Многие интересуются подобными вещами, но немногие ищут их на самом деле.

— Добрый вечер, господин Вселдвин, — поздоровался, потирая руку о руку, только что вошедший господин солидного вида.

— Добрый, добрый, — ответил хозяин лавки.

— Да... не жарко тут у вас, — заметил зашедший с мороза посетитель. — Неплохо нынче пробирают холода, не так ли?

— Не могу с вами не согласиться, Сергей Сергеевич. По мне так кажется, еще чуть-чуть — и мы все промерзнем насквозь, как ни топи эти старые печи.

— Да, насчет старого, я смотрю, у вас его тут хоть отбавляй, — заметил господин солидного вида, осмотрев беглым взглядом ближайшие к нему прилавки. — О, какой прекрасный портсигар.

— Серебряный. И, смею заметить, не такой уж дешевый.

— Я, пожалуй, у вас его возьму. Сколько?

— Семь рублей с полтиной его цена.

Посетитель протянул положенные деньги и продолжил свой путь, водя носом по разным полкам лавки. Время шло, посетитель потихоньку согревался. В печи тихо потрескивали дрова, хозяин лавки протирал от пыли какую-то стеклянную утварь, а господин солидного вида все с тем же любопытством разглядывал разложенные вещи. Таким образом он потихоньку добирался до уже известного нам прилавка.

— Нечасто вы у нас бываете, — нарушил тишину хозяин лавки.

— Увы, дела, дела... Да и сейчас не зашел бы к вам, не загони меня этот ядреный мороз... Но позвольте, господин Вселдвин, — с непонятым удивлением вдруг оживился Сергей Сергеевич, — что это за вещи у вас здесь? Вы их тоже продаете?

— Безусловно.

— Но почему они так интересно отделены? И вообще, какой-то непо-

— Это непростые вещи... особенные, я бы сказал живые... волшебные вещи.

В воздухе снова повисла тишина. Сергей Сергеевич так и стоял, как бы озадаченный столь неожиданным ответом лавочника. Но буквально через несколько секунд опомнился и расплылся в улыбке.

— Ну, полноте, господин Вселдвин. Какие могут быть сказки. Уж мне-то рассказывать такие истории... Я, конечно, понимаю, что приближается Рождество и тому подобное, но чтоб волшебные?..

— Каждому свое, господин управляющий.

Такова была должность Сергея Сергеевича. И по должности ему, видимо, не полагалось верить в какие-либо чудеса и сказки. Однако разговор подходил уже к концу и после очередной небольшой паузы гость продолжил:

— Хорошо. И что же вы мне можете предложить из этого так называемого волшебного набора?

— Сергей Сергеевич, ровным счетом ничего. Вы должны решить сами, нужна ли вам эта вещь, а точнее, то, что она может вам предложить, и согласитесь ли вы отдать ту цену, какую она берет за это.

— Она берет за это?..

— Она, господин управляющий, именно она.

— Ну, довольно, господин Вселдвин, за кого вы меня принимаете? Ваши шутки начинают переходить всякие границы, — уже с серьезным видом парировал гость.

— Я не шучу, господин управляющий, хоть у меня и хорошее настроение. Я говорю о том, что есть на самом деле.

— А-а-а... понимаю, вы выпили, господин Вселдвин...

Но этого лавочник до конца уже не дослушал. А выйдя из-за прилавка, решительно и вполне серьезно спросил:

— Вы действительно хотите знать, что это за вещи? Или так спросили?

От очередного внезапного поворота в разговоре Сергей Сергеевич немного даже растерялся и неожиданно для себя сказал:

— Да.

— Тогда давайте подойдем поближе, и я вам поясню, в чем дело. Начнем, к примеру, хотя бы с трубы. Она в обмен на то, чтобы вас всегда слышали и слушались, просит ваши уши.

У управляющего округлились глаза.

— О, нет, нет, вы, наверное, не так подумали. Более правильно было бы сказать не уши, а слух, это значит, что все, чтобы вы ни слышали, будет проходить лишь через эту трубу. Но тогда уж, извините, никто не гарантирует вам, что вы услышите именно то, что звучит на самом деле. Хотя... все может быть. Или вот — светильник. Владея им, вы увидите все, что захотите, причем даже насквозь. От вас никто ничего не сможет скрыть. Но вот в обмен он просит глаза, то есть зрение. А это значит, что без светильника вы ничего не увидите: он становится вашими глазами, а вы смотрите через него, как через призму. Ботинки тоже неплохое приобретение. С ними вы преодолеете любое препятствие и любой долгий путь, необходимо лишь отдать им свои ноги, — лавочник посмотрел на управляющего и добавил: — да, да — ноги, что значит всегда быть в ботинках.

Перед последним предметом лавочник чуть-чуть задержался. После этого продолжил уже чуть изменившимся голосом:

— А это, как вы видите, книга. И она живая. Многие можно сказать о ней, и многое в ней еще непонятно. Но одно известно наверняка: она дарит совершенно новую жизнь тем, кто ей искренне доверится. Это, кстати, касается всех перечисленных мною предметов. Нет смысла приобретать вещь, если ты не веришь в нее, тем более, когда речь идет о твоей судьбе.

Лавочник отправился на свое место. Снова воцарилась тишина. Дрова все так же тихо потрескивали в печи, а гость в недоумении пытался осмыслить услышанное.

— Ах да, чуть не забыл. Я же не сказал, сколько стоит эта книга, — вновь прервал тишину лавочник, но настолько резко, что управляющий даже подпрыгнул от неожиданности. — Это, пожалуй, очень важно, потому что взамен непременно надо отдать свою жизнь. Что это значит? Ну, наверное, это проще сравнить со смертью, хотя человек не умирает, а скорее теряет старую жизнь, приобретая новую.

Это было последней каплей. Сергей Сергеевич быстро засобирился, застегивая свое пальто и направляясь к двери. Перед выходом он чуть помедлил и, повернувшись назад, спросил:

— А почему вы раньше мне ничего подобного не рассказывали?

— Вы никогда не спрашивали, — ответил лавочник.

Сергей Сергеевич вышел. Мороз на улице становился крепче. Сильно шипая за нос и щеки, он подгонял Сергея Сергеевича домой. «Скоро начнет темнеть, — думал он, — а я так не люблю ходить по темным переулкам...»

Как вдруг — какие-то другие мысли, перебивающие все остальные, но от этого не менее приятные: «...слышали и слушались, увидите все, что захотите, захотите, захотите...» Сладкое понимание этих мыслей давало силы непривычным до сего времени мечтам о большой власти и богатстве.

Подобные думы, как эхо в горах, летали в голове Сергея Сергеевича, не давая успокоиться. Он шел по дороге и что-то бормотал. Через какое-то время, как будто опомнившись, он остановился. «Это ж надо, — возмущился он вслух, — как несмышленный ребенок. Ключнуть на такую удочку. Да что я в самом деле!»

И словно вытряхивая эти мысли из головы, он помотал ею несколько раз и спокойно зашагал дальше. Дом его уже виднелся на противоположной стороне улицы.

В доме управляющего никогда не было спокойно. Особенно, когда Сергей Сергеевич возвращался. Всей прислуге нужно было бегать, суетиться, в общем. Сергей Сергеевич никогда никого не оставлял без дела. Так и в этот раз: дом наполнился шумом, когда на пороге появился хозяин. Дело в том, что он просто привык вести себя дома так, как и на работе, управляя своими делами, создавая атмосферу напряженности. Да, человек этот был не самым хорошим и некоторыми чертами его скверного характера, увы, заражались его домочадцы и даже прислуга. А больше всего, как это и бывает, всегда страдали самые незащищенные и бесправные.

Я не случайно заговорил именно о таких людях. Этот дом не оказался исключением, скорее даже, наоборот: все, что происходило здесь, порой нелегко описать из-за той несправедливости, которая совершалась в отношении самых слабых. А самым слабым и незащищенным в этом доме

был четырнадцатилетний мальчишка Влас. Жил он на правах прислуги, занимаясь самой черной работой на кухне и по дому, а также служил мальчиком на побегушках. Работа у него была всегда. Грязь и сырость стали для него такими же привычными, как для некоторых тепло и уют. Единственным отпадным местом была его каморка под лестницей, где он в поздние минуты одиночества, после суматошных часов каторжной работы, мечтал о дальних странах, настоящей дружбе и подвигах, которые хотел совершить, спасая, наверное, чьи-нибудь жизни.

Влас старался не вспоминать свою прошлую жизнь, стойко борясь с трудностями этой. Он не был тем человеком, который лелеял прошлое и жалел себя, прекрасно понимая то, что есть реальность и будущее, на которое еще можно надеяться и верить в него. Как он попал сюда, мы узнаем немного попозже, а сейчас давайте перенесемся ровно на один день до того, как мы начали свой рассказ.

Его вчерашний день был точно таким же, как и сегодняшний. Он так же драил закопченные кастрюли и грязные полы в кухне, таскал воду, дрова и вычищал стойло лошадей. Но все это было бы полбеды, если бы его постоянно не упрекали и не кричали на него чуть что случись. Конечно, бывало, что-то у Власа не получалось, но в основном попадало просто так, ни за что. Так и этот вечер, до боли похожий на все остальные, закончился очередной затрещиной в знак «благодарности» за исправную работу на кухне.

Надо отдать должное его мужеству: он никогда не обижался и не ныл, только лишь с какой-то удивительной силой твердил про себя: «жарче пламя, крепче сталь». Это выражение всплывало в его памяти из глубокого детства, когда Влас вспоминал своего отца и его удивительные истории, приключившиеся с ним в жизни. Тогда-то он и услышал эти наполненные, быть может, непонятым, но таким обнадеживающим смыслом слова: «жарче пламя, крепче сталь». В минуты уединения он часто думал: «Ну для чего-то же нужно, чтобы сталь была крепче, а пламя для этого, значит, жарче?» Однако мысли его обычно не успевали прийти к какому-то определенному выводу, потому что он просто засыпал от усталости.

Вот и сегодня, после тяжелого дня работы, наш герой лежал и разглядывал постоянно всплывающие образы красивых городов, далеких морей и прекрасных островов, которые он некогда видел на картинках в книжках сказок и рассказов. Мысли его уходили все дальше, тело расслаблялось, и он потихоньку засыпал.

— Влас, Влас, Влас, — доносилось до его сознания сквозь глубину сна, и кто знает, сколько еще раз было произнесено его имя.

— Влас, Влас, вставай. Тебе надо встать, — нежным и кротким голосом кто-то вытягивал его из сна.

Но в ответ пока лишь раздавалось то ли непонятное «нет», то ли просто стон мальчика, не желающего просыпаться.

Настойчивое «Влас» сделало свое дело. Еле разрывая веки, как будто сросшиеся во время сна, Влас потихоньку начал просыпаться. Точно побитый, он с тяжестью оторвался от кровати и, еще не понимая, что происходит, сел.

Неясно, что могло произойти, но в воздухе витало непонятное, еле ощутимое тепло. То тут, то там, как будто не из этого мира, проступали неж-

ные проблески света. Да и сама комната не была такой мрачной, какой была всегда. Пронизывающая ее сила давала совершенно иные ощущения глубокого покоя и радости.

Ошеломленный таким явлением, Влас не сразу заметил стоящее рядом некое существо, от которого собственно и истекал приятный теплый свет. Он-то и будил Власа. Незнакомец заговорил, когда Влас, уже полностью очнувшись, сидел, вытаращивши большие круглые глаза.

— Влас, мне надо что-то тебе показать, — протянув руку, сказал некто.

Мальчик, вверяя себя полностью ему, положил в ответ свою руку в его. Таким образом они пошли к выходу каморки: Влас с круглыми от изумления глазами и некто, ласково ведущий его вперед.

Понятно, что если ты знаешь: впереди дверь, ты никогда не удивишься тому, что она открывается. Однако каково было удивление Власа, когда дверь не просто открылась и за ней оказался привычный глазу коридор под лестницей — она вдруг будто пропиталась светом и растаяла в нем, как тают кусочки льда в теплой воде.

Они спокойно прошли место, где когда-то была дверь и... о, Боже! Свет! Настолько яркое, но неослепляющее, настолько теплое, но не душенное, настолько чистое и свежее, что этому невозможно дать описание. Влас шел рядом с загадочным существом, держа его за руку. Но это не была рука человека, это был яркий необжигающий огонь. Только здесь, среди бесподобного света, Влас начал потихоньку различать странности этого пылающего существа. Если попробовать обрисовать его, то можно сказать следующее: черты лица были несколько вытянутыми и казались достаточно строгими, одновременно излучая любовь и доброту. За его спиной, чуть с боков, вместо ожидаемых крыльев, были почему-то два вращающихся огненных кольца, а под ногами, если они вообще были там, пылало пламя, как будто поднимаемая и передвигаемая его с одного места на другое.

Когда же мальчик отвел взгляд от своего пылающего спутника, его взору предстало огромное, пронизанное еле уловимой сказочной музыкой пространство света. Они стояли где-то на возвышенности — им были видны раскинутые подле луга и пролески вперемежку с улицами и площадями, с домами и усадьбами большого города. Помимо того, что все имело особенные живописные оттенки, город был наполнен каким-то удивительным светом, делая все видимое отчасти даже прозрачным и переливающимся всеми цветами радуги, как будто все это было вылитое из какого-то особого стекла.

Словно движением одного только желания в одно мгновение, за которое Влас успел бы только моргнуть, они, переместившись сверху, оказались у подножия возвышенности. Там они увидели прекрасные в своем изяществе, не похожие одно на другое здания. Жители этих домов были радушны и приветливы. Каждый населяющий это место, видимо, считал своим долгом поздороваться с приятной и добродушной улыбкой, что немаловажно вызывало у Власа подобную же реакцию.

Все было каким-то непривычным: запахи, цвета, музыка, ощущение радости и свободы. Но все же удивительная прозрачность домов и наивная, как ему казалось, беспечность жителей поначалу озадачивали Власа. Однако чувство единения, любви и открытости, которое витало в этом мире, с каждым разом все более овладевало им. Ему вдруг захоте-

лось быть таким же открытым и чистым, как и они. От большого наплыва чувств Влас даже сделал несколько шагов вперед, двинувшись навстречу этим прекрасным людям, как вдруг некогда ласковый и теплый свет внезапно превратился в ослепляющий и жгучий поток, а еле заметная, наполненная созидающей силой музыка вдруг стала «разрывать» голову Власа невыносимо резким и пронзительным звуком.

Испугавшись, он кинулся назад к своему пылающему спутнику, и тут же все стало на свои места. Убирая руки с головы, он поднял глаза. В его взгляде застыл немой вопрос. Огненный спутник тоже смотрел на него и, как будто читая мысли, ответил:

— Тебе не следует отходить от меня. Здесь ты можешь существовать только под особой защитой, иначе погибнешь. Мое присутствие защищает тебя, ибо ты еще не из этого мира. Следуй за мной, и я покажу тебе то, для чего ты пришел сюда.

— Но, пожалуйста, погоди, ...можно мне задать вопрос? — очнувшись от случившегося, спросил Влас.

— Можно, — невозмутимо ответил спутник.

— Что все это? — и Влас провел рукой вокруг себя.

— Это твоя реальность, мир, который ждет тебя.

— А кто тогда ты?

— Зовут меня Нажааший. Я из рода огниллов. Но ты обещал задать всего один вопрос.

Влас насупившись, замолчал.

— Не расстраивайся, — продолжил его спутник, — все, что тебе необходимо, ты узнаешь, но не сейчас. Продолжим путь.

Когда они проходили мимо все тех же домов, Власа поразило, что он без труда мог определить, есть ли, скажем, дома хозяева или мог понять, о чем они говорят и даже думают. Мысли и разговоры, которые мог уловить Влас, были далеко не праздны, но текли в каком-то покое и даже радости. Конкретный смысл их был непонятен, зато чувствовалась их единая созидающая направленность, которая согревала Власа своей любовью и надеждой. Он все больше и больше «прирастал» к этому месту.

Ему нравилось все: здания, цветы, деревья, населяющие этот мир, неизвестные и странные животные, которые то и дело появлялись перед ними и вызывали у Власа своим неожиданным обликом восхищение и порой даже улыбку. Бабочки были там не просто бабочками; они искрились и играли на свету, словно летающие огоньки. На одной из лужаек он заметил белых в черную полоску тигрят, забавно играющих с детьми. То и дело навстречу Власу попадались изящные белые кони с двумя крыльями по бокам и прямым рогом на голове. Один из них даже приклонился, когда Влас проходил мимо. «Что бы это могло быть?» — поклонившись в ответ, подумал Влас.

Нажааший вел мальчика дальше. На одной из площадей Влас увидел огромное, выше дома, животное, но даже с ним забавлялись дети, пытаясь залезть на него и скатиться потом с его толстого хвоста. В небе внимание Власа привлекли драконы, они также были необычными — будто сотканные из дуновений ветра и полупрозрачной палитры радуги, они беззаботно потешались с ветром.

Но все же большего внимания заслуживали человекоподобные существа большинство из которых были похожи на его спутника, другие же,

словно сделанные из иного теста, благодаря своей худобе, скорее походили на фей, облаченных в отражающую одежду. Форма и строение их головы заметно отличалось, скажем, от головы Власа, другими так же были их крупные, раскосые и очень выразительные глаза, источающие преданную любовь и глубину. Сверху голову венчала переливающаяся диадема. Вытянутая нежная шея переходила в обыкновенное тело, по бокам которого выдавалось множество воздушных крылышек, как у стрекозы. Кожа их блистала нежным розовым светом, словно была усеяна множеством невидимых блесток. Пальцы, благодаря своей длине и большому количеству суставов, выглядели как изящные небольшие щупальца. Несмотря на все эти особенности, ростом они были не выше Власа, доставая ему лишь до пояса. Ну а когда Влас со своим спутником проходили мимо этих существ, до них доносилось еле заметное благоухание цветочных полей и свежести летнего дождя.

— Кто это? — спросил Влас.

— Это небесные эфны, — ответил его спутник.

Но это были не единственные человекоподобные существа в этом мире. Влас видел и других, именуемых льфинонами. Однако они оказались лишь наполовину людьми. Их голова была похожа на голову льва, а грива не просто свисала, но растекалась, как если бы это были бурные горные воды. Своим серебряным потоком света она не заканчивалась на плечах, но продолжала стекать по всему телу, превращая его в единый движущийся водопад. Такие существа всегда ходили с посохом, который венчал сияющий красным светом кристалл. При их молниеносном передвижении вслед за ними оставался повторяющий их путь светящийся шлейф. Все эти существа дружили с людьми и помогали им.

Кажется, Влас видел и еще множество подобных существ, но память его уже просто не вмещала такого количества всевозможных созданий. Когда Влас и его спутник проходили мимо людей и удивительных созданий, населяющих этот прекрасный город, то все они, в свою очередь, с уважением и достоинством задерживали свой взгляд на мальчике, выражая тем самым ему свое почтение и поддержку. Однако, несмотря на это, Влас чувствовал какую-то необъяснимую тоску, исходящую от них. Тоску, которую, наверное, могли бы испытывать разделенные на долгие годы любящие братья или друзья.

Наконец они остановились в саду одного милого дома. Сердечко отчего-то затрепетало, быстро застучав, испытывая особенное волнение.

— Постарайся не отходить, — произнес его спутник.

Секунды летели, волнение возрастало, как вдруг он увидел плавно идущую все с той же, как и прежде, светлой улыбкой маму. Она вышла из дома и направилась к Власу.

— Мама, — закричал он.

Однако крика почему-то не было слышно. Еще каких-то несколько мгновений — и мама уже была в объятиях Власа. Прежнее давно забытое тепло, радость и любовь вернулись к нему. Он целовал, плакал и обнимал ее. Мама так же, как и он, с огромной радостью и со слезами на глазах не могла насладиться минутами данной им встречи.

— Влас, — через некоторое время отвлек их огненный спутник, дав им утешиться, — я оставляю тебя, но уже скоро буду, твоя мама это знает.

10 Не отходи от нее и, прошу тебя, слушай ее внимательно.

После этих слов он исчез, как бы растворившись в собственном огне.
— Да, Влас, наша встреча мимолетна. Ты не можешь пребывать здесь долго. Пойдем, я проведу тебя в дом.

Они зашли в чудесное по красоте жилище. Все в нем было удивительно и гармонично. Когда они уселись, на столе сами собой появились чашки, ложки, чайник, различные угощения и фрукты. Казалось, невидимая рука заботливо накрывала на стол.

— Не удивляйся, Влас, все что ты видишь — не сон. Это мир, который должен принадлежать человеку. Но, увы, большинство людей не могут находиться здесь, — после этих слов мама немного задумалась. Оживившись, она с материнской нежностью и вниманием протянула ему угощение. Ее лицо снова излучало счастье и радость, особенно когда взгляд падал на сына.

— Мама, почему ты сказала, что люди не могут находиться здесь?

— Да все потому, Влас, что они сами для себя выбрали не быть здесь.

— Выбрали?

— Ну конечно же, именно выбрали. И выбор этот далеко не лучший. Люди когда-то были обмануты, а точнее говоря, они захотели обмануться и глаза их закрылись. Трагедия в том, что, ослепнув, они до сих пор не видят правды и того реального мира, в котором живут, а лишь то, что им хочется видеть. На это и рассчитывала вселенская тьма, аттон, коварный враг человечества, желая уничтожить людей. Они не понимают, что творят, не осознавая последствий своего страшного выбора. И уж тем более не знают, что нужно делать для того, чтобы их мир прекратил разрушаться.

— И что же теперь, мама?

— Ты, наверно, хотел спросить, что же теперь делать? — с многозначительным и серьезным взглядом сказала она. — Люди с черствым сердцем и злыми помыслами не в состоянии помочь ни себе, и уж тем более кому-то другому. Человек попал в западню — аттон достиг своей цели. Люди стали рабами не своих желаний и не своих мыслей. Ты понимаешь меня?

— Да, но почему ты говоришь так, как будто я смогу им помочь?

— Нет, ты не сможешь помочь им всем. Но ты можешь освободить свой собственный мир.

— Собственный мир? — не понимая, о чем хочет сказать мама, переспросил Влас.

— Именно, — ответила мама, повернувшись вперед.

И тут же все пространство невидимой волной преобразилось в прекраснейшую долину, в которой располагался многоцветный невыразимый по своей красоте город. В центре его возвышалась гора, от которой исходил свет. Можно было ясно наблюдать, как все вокруг наполнялось им и той музыкой, которая лилась из горы. На самой вершине горы стояло великое дерево, которое своими ветвями утопало в источнике света, благодаря чему становилось практически невидимым. Влас был захвачен и поражен подобным откровением.

— Вот, — сказал с восхищением вновь появившийся Нажааший, — это и есть твой мир.

Однако уже через несколько мгновений каким-то тревожным тоном он добавил:

– Должен быть твоим миром.

Неожиданно счастливое оцепенение покинуло Власа. Он повернулся. Напротив него стояла мать и все тот же огненный спутник, который продолжил:

– Город, который ты видишь, это город твоего сердца. Имя ему Норталаруста – город великий, город единства и мира. В центре его возвышается Мелхионовая Гора, покрывающая собой весь этот мир. А на высоте ее находится источник жизни этого мира: сам начаток. Гора питает собой великое дерево Девес, что дает людям, живущим под этим небом, плоды волшебных сил, а у ее подножия находятся Источники вод целебных, которые растекаются живым потоком по рекам и морям этого мира. Ветер, которым наполнил жизнь создатель и владыка, из глубин горы несет в четыре стороны всем людям песнь любви и мудрости.

Пока огнилл говорил, Влас и его спутники приближались к центру города, паря над ним, так что мальчику стали видны не только улицы, площади и дома, но и люди великого города. Волнение нарастало, а вместе с ним куда-то пропадала и музыка, несмотря на то, что они становились ближе к ее источнику. Помимо этого, произносимые Нажаашием слова с каждым разом становились четче и четче, все глубже отпечатываясь в сознании Власа, отчего покой стал покидать его сердце.

– И мы, жители этого мира, – продолжал его огненный спутник, – просим: открой глаза и уши, дабы не остаться нам навсегда в забвении...

Этот голос прозвучал, уже как сотни голосов разом, и на его последней ноте тьма вдруг захлестнула город. Со звуком что-то пожирающих ртов из-за углов и подвалов выползали мерзкие уродливые создания. Все разом опустело и духом страха налилось сознание. От прежнего величия и покоя не осталось и следа. Съедается все, с каждым мгновением мрак сгущался больше. Сердцебиенье учащалось. Влас, еще недавно видевший славу этого города, теперь не видел ничего.

– Нет! Нет! Мне проснуться надо. Все это сон и я в нем заблудился, – такие мысли пронеслись в его голове, и он не знал, что с этим делать. Как вдруг услышал обреченный голос:

– Погибло все.

Он оглянулся. Позади него стоял знакомый ему спутник, но на этот раз он уже не был огненным, а лишь мерцал в какой-то еле уловимой дымке. Настала такая тишина, что даже заложило уши. Беззвучно подойдя к Власу, он продолжил со скорбью:

– Друг мой, послушай. С тех самых пор минуло много лет. Во власти у аттона род людской. Он погибает, увы, не ведая о том. И мы, создания, что на службе, уже не в силах этому противостоять, потому что человек ведом чужою волею, забравшей власть и обманувшей его. Открой глаза и развенчай обман, обман, обман...

И он исчез. Его слова еще долго звучали в голове Власа, как эхо в горах, переключаясь с откуда-то взявшимся звоном тревожного колокола.

– Обман, обман... бам, бам...

– Обман?! – вскочил с постели Влас.

УБЕРЕННОСТЬ В НЕВИДИМОМ

Звон колокола во сне незаметно сменился трезвоном колокольчика в каморке Власа. Это старшая служанка Авдотья что есть мочи вызванивала мальчишку к себе, поскольку уже было шесть утра, и ненавистная работа по дому опять ждала его.

Проснувшийся не так, как обычно, Влас медленно встал, оделся и полпелся наверх, все еще находясь под впечатлением сна.

— Ну что, ненаглядный ты наш, давай очнись. Вот тебе, — всучив ему мешок с крупой и толкнув в плечо, со злорадством сказала Авдотья.

Эти слова для Власа стали отрезвляющими, вернув его к земной жизни. Заполучив мешок с крупой, он отправился перебирать ее в кладовую.

День пролетел так же быстро, как и всегда. Он практически ничем не отличался от других, быть может, только лишней затрепичиной и особо гневным ругательством хозяйки за хорошо вымытые ступеньки, на которых она, по неаккуратности поскользнувшись, проехала задом до самого низа, загремев всеми стоявшими на ее пути тазиками и ведрами.

Но вечером все-таки произошло нечто, что выбило этот день из череды однообразных и унылых. Все началось тогда, когда Влас, падая от усталости, домывал последний котелок, размышляя об виденном во сне. Суета минувшего дня медленно начинала стихать, как вдруг за дверью раздалось истошное и дикое: «Влас, Влас!!» Это, нервозно перебирая руками, ворвалась на кухню Авдотья.

— Влас, скорей одевайся, бросай все-е-е, — лихорадочно отдирая его от котелка, продолжала она. — Сергей Сергеевич потерял серебряный портсигар, который еще только вчера купи-и-и-л. Быстро беги в лавку, может быть, он его там забыл.

— Но... но лавка, наверно, уже закрыта, — попытался сказать Влас.

— Быстро, я тебе сказала, — переходя на крик, возмутилась Авдотья.

Через минуту, выбегая из своей комнатушки, Влас столкнулся с хозяином дома.

— Влас? Ты почему, стервец эдакий, не смотришь?

— Но... я... мне сказали...

— Я тебе скажу лучше. Смотрю я, мой дорогой друг, что ты совсем отбилась от рук! А где же благодарность за милость, которую я тебе оказываю в этом доме? На тебя везде жалобы. Только и слышу: «Влас то, Влас это...»

— Ой, Сергей Сергеевич, — вылезая из-за угла, решила вставить слово Авдотья, — вы здесь? Я тут послала этого оболтуса, глядишь, найдет портсигар в лавке. А ну, быстро извинись перед Сергеем Сергеевичем.

После извинений Влас выпроводили за дверь, и он побежал в лавку.

За последние дни мороз разыгрался не на шутку. А в этот вечер так совсем был беспощаден. Одежда у Власа что в слякоть, что в мороз была всегда одинаковой. Весь съезжившись, он быстро добежал до лавки. На

удивление в ней горел свет и дверь была открыта. Зазвенели входные колокольчики.

— Здравствуйте, — моргая своими серыми и влажными от мороза глазами, поздоровался Влас.

— Добрый день, молодой человек, — не поворачиваясь, ответил лавочник.

— Меня послали... Сергей Сергеевич... — не зная с чего начать, сбивчиво начал мальчик.

— Знаю, забыл свой серебряный портсигар, — не дождавшись конца объяснения, продолжил лавочник. — И вас за ним послали, не так ли?

— Да, господин... Вс-е-е... — упорно вспоминая вылетевшую из головы фамилию, затянул Влас.

— Ты можешь звать меня просто господин.

«Господин... господин... господин», — эхом пронеслось в голове Власа.

«Наверно, это от мороза», — потрясая головой, подумал он.

— Ну, молодой человек, — продолжил господин Вселдвин, — и как же вас зовут?

— Влас. Меня зовут Влас, господин.

— Очень хорошо. И что же ты, Влас, так плохонько одет? Ведь за окном не шутка.

— Я, господин... не знаю, мне... Я просто не успел одеться, — сообразив, ответил он, — мне сказали быстро идти, и я убежал, забыв накинуть свою шубу.

— Свою шубу? — посмеявшись, сказал лавочник. — Господин управляющий раздаст своим слугам шубы?

— Я не слуга, господин, — жестко отсек Влас.

— Не слуга? А кто тогда?

— Ну, не слуга и все тут. Это не важно.

— Нет, это важно. Только ты не хочешь делиться, — приблизив свое лицо к лицу мальчика, сказал лавочник.

— А почему это важно? И зачем я должен делиться? — немного смутившись, спросил Влас.

— Потому что я — господин.

«Господин... господин... господин...», — опять эхом пронеслось в голове Власа и он снова потряс ей.

— Ну, впрочем, забирай свой портсигар и ступай скорее домой, — вдруг как-то резко сменив настроение, сказал лавочник. — А то мне уже давно надо закрываться.

Влас опустил глаза, взял портсигар, повернулся и направился к выходу. И тут его внимание случайно привлекла дальняя полка. Он немного задержал шаг, пытаясь разглядеть те предметы, которые скрывались за запыленным стеклом.

— Так, никому ненужное барахло, — пояснил господин Вселдвин.

— Никому не нужно? — заинтересовался Влас.

— Да, совершенно ненужное. Лежит уже много лет. Ведь кто сейчас верит в волшебные вещи?

У Власа расширились глаза,

— Волшебные!? — прошептал он.

— Правда, некоторые предметы попали ко мне совсем недавно, — продолжал говорить господин Вселдвин. Взяв мальчугана за плечо, он подвел его к той самой полке:

– Вот, например эта, – и его палец указал на трубу.

– Что это?

– В любом случае это не портсигар, – со смехом ответил лавочник.

– А почему их никто не берет?

– Почему? – уже задумчиво продолжил господин Вселдвин, – Потому что люди... Потому что люди боятся.

– Боятся? Чего боятся?

– Всего, Влас, всего.

Господин Вселдвин вернулся за прилавок и продолжил складывать какие-то вещи.

– Возьмем, к примеру, все ту же трубу, – уже со своего места продолжил лавочник. – Возьми, возьми ее, не бойся.

Влас осторожно приподнял стекло и взял обсуждаемый предмет.

– Приобретая ее, человек становится, по сути, повелителем, то есть его всегда будут слышать и слушаться, – с невозмутимым спокойствием объяснял лавочник.

– И почему ее никто не покупает? – спросил Влас.

– Их пугает цена.

– А какая цена у нее?

– Ценой является слух.

Влас даже отшатнулся.

– Нет, нет, Влас, платить не мне. Цену берет она сама. Причем человек не теряет слух, как ты мог подумать, но начинает слышать лишь только то, что проходит сквозь эту трубу. А что через нее проходит, можно лишь догадываться.

Влас без какого-либо сожаления положил трубу обратно.

– Да, знавал я одного владельца этой трубы. Очень неприятная история. Он настолько плохо кончил... – продолжал лавочник.

– Кончил?

– Да. Он убил сам себя. Кто его знает, что доходило до его ушей, но в последнее время он стал подозревать в предательстве не только всех своих слуг и близких, но даже и самого себя. Вполне возможно, это и послужило основной причиной расстройства его психики.

– Убил? Но почему он ее не отдал обратно? Не выбросил ее, в конце концов?

– Да потому, что этого не хотел, – особо подчеркнуто сказал господин Вселдвин.

Влас даже немного испугался.

– У-у-у, я смотрю, наш разговор совсем не туда пошел. Давай-ка, мой юный друг, отправляйся домой, а то тебя уже совсем заждались. А как будет время – забегай, моя лавка для тебя открыта.

Влас в ту же секунду ринулся домой.

– Постой, – окликнул его лавочник, – на вот, накинь. И ступай с Богом.

Он обернул Власа толстым теплым пледом.

Дома долгое отсутствие Власа не заметили и находку серебряного портсигара приняли, как должное.

На следующий день, когда Власа послали в булочную, он решил нарочно пройти мимо лавки господина Вселдвина. День удался настолько

ярким, что даже помутневшие от старости окна лавки способны были пропустить его свет и осветить стоявшую напротив них далекую полку с таинственными вещами. Влас, раздираемый любопытством, даже не заметил, как вдруг очутился у господина Вселдвина.

В помещении не было никого, отсутствовал даже хозяин. Влас заворожено подошел к полке.

— И все-таки мой юный друг пришел? — послышался голос за его спиной.

Он резко повернулся. Разумеется, там стоял господин Вселдвин, все с той же приятной и мягкой улыбкой на лице. Его седая борода немного переливалась в пронизывающих лавку лучах солнца, а в глазах при их бездонной глубине играл радостный и незатейливый огонек. Все та же, похожая на охотничью, шапка была сдвинута чуть набок, что придавало лавочнику немного шкодливый вид.

— Но... как вы узнали? — удивился Влас.

— Колокольчики, — указывая на дверь, ответил лавочник.

«Однако никаких колокольчиков я не слышал», — подумал Влас.

— Ну как, мой юный друг, ты не замерз вчера? — побеспокоился господин Вселдвин.

— Нет, господин, ваш плед был на редкость теплым.

— Я очень рад, оставь его себе.

Влас подошел к знакомой полке и, немного постояв и почесав свой белобрысый затылок, спросил:

— Я вот тут вчера немного подумал, господин, и мне пришла в голову мысль. Но разве плохо бояться подобных вещей, которые приносят такое зло?

— Ты знаешь, Влас, а ты мне очень нравишься. Люди, которые не задают вопросов — потерянные люди. Ну, раз уж тебе так интересно, я, конечно, постараюсь ответить. Но позволь прежде спросить. А о других вещах ты уже что-то знаешь?

— Нет, господин.

— Тогда зачем говоришь о них одинаково?

— Я не знал...

— Послушай, — жестом попросив остановиться, продолжил лавочник. — Каждый человек в своей жизни не раз становится перед настоящим выбором. Не так ли? Причем я говорю сейчас не о выборе, скажем, что съесть или как провести время. Я имею в виду тот случай, когда от выбора зависит ход дальнейшей жизни человека или жизни других людей. Все дело в том, что человек совсем не обречен выбирать лишь из плохого, — указав на трубу, сказал лавочник. — Обязательно будет существовать альтернатива, но она в отличие от великого множества плохого не всегда оказывается приятной и благозвучной. А в этом и состоит одна из главных проблем людей: им от страха перед неизведанным порой проще остаться с тем, к чему они давно привыкли и что уже устоялось годами. Некоторые не желают трогать свое болото, в котором живут, пусть гнилое, но зато их, родное. Некоторым проще податься туда, где больше льстит уху, а не туда, где поднимаются серьезные проблемы. И, тем не менее, если даже находятся дерзновенные, то, подавляющее большинство из них, увя, выбирая, клюют совсем не на то, что для них нужно, лишая себя шанса на то подлинное и ценное, что могли бы они приобрести. И по-

добных приманок и соблазнов, поверь мне, предостаточно. Вот посмотри на мой прилавок, — оборачиваясь вокруг, развел руками лавочник, — здесь находится все, что угодно твоей душе, но не все тебе надо и не все полезно. Однако среди них есть намного более ценные вещи, — и господин Вселдвин, подозвав мальчишку, вновь повернулся к загадочной полке. — Однако когда ставки столь высоки, выбрать становится уже непросто. Всегда там, где есть истинная вещь, существует много ее подделок. Причем если бы они были просто пустыми и глупыми подделками, но нет же — они, забирая наше внимание, призваны забрать и наши жизни, предлагая более приятные и легкие решения. Сейчас, если ты догадался, я говорю о волшебных вещах, находящихся на этой полке, — особо подчеркнув последние слова, остановился лавочник. Его лицо стало намного серьезней, а в глазах отразилась печаль, предвзято то переживание, которым только собирался поделиться господин Вселдвин. Он перевел дыхание и продолжил. — Ты посмотри на сердца людей. Эти вещи хотят завоевать их и каждая, имея свою особую цель, по-своему находит к ним путь. Каждая показывает себя, но при этом одна говорит правду и называет настоящую цену, а другая, продаваясь дешево, берет свое потом. Вспомни прежнего владельца трубы и наблюдай за своим выбором. Либо ты выберешь то, что тебе хочется, либо то, что тебе нужно.

Пока лавочник говорил, Влас никак не мог отвести глаз от книги. Она хоть и была старой и пыльной, и на ее обложке уже практически невозможно было прочитать название, но все же привлекала к себе каким-то необъяснимым внутренним свечением. Сами руки тянулись взять и открыть эту древность с желанием проникнуть вглубь тех тайн, которые она скрывает.

Это заметил и господин Вселдвин. Подойдя к Власу, он сказал:

— Но ты же не умеешь читать.

— Умею, — не отводя глаз от книги, ответил Влас. — Меня научила мать.

— Научила? — удивился лавочник, оглядывая парня сверху вниз. — А почему... и где она сейчас?

— Она сейчас не здесь... Но я вчера видел ее, — улыбнулся Влас. — Она приснилась мне.

— Ах, вот оно как... — качая головой, ответил лавочник. — А где тогда твой отец?

— Отец тоже умер год назад.

— Ну, а как же ты тогда попал в дом управляющего?

— Перед болезнью папа очень много задолжал господину управляющему. И в качестве расплаты я согласился работать в его доме, чтобы хоть как-то помочь отцу. Но он умер, и я вынужден был остаться у управляющего, чтобы отработать долг. Каким-то образом он смог взять надо мной опеку, и вот теперь я живу в его доме.

— А где же ваш дом? Наверняка ваша семья где-то жила?

— Да, но за домом долго не следили, пока отец болел. Его дела пошли совсем плохо, и он заложил свое имение. Требовались деньги на лекарства и лечение, а у него их не было. Зато когда была жива мама, наш дом считался самым красивым в округе. И даже господин управляющий, я помню, всегда говорил: «Как вам хорошо, мне бы вашу радость». Но все это было давно, и мне даже иногда кажется, что все это был сон.

— Тогда ты сделал самый лучший выбор, какой только мог. Эта книга

откроет перед тобой новую жизнь, — господин Вселдвин подошел еще ближе, присел, взял Власа за руки и, заглянув ему в глаза, тихо сказал, — потому что она живая. Если ты хочешь, возьми ее себе, но прежде ты должен знать, что ничего просто так не бывает. Ты никогда не сможешь получить новую жизнь, а вместе с ней и желанное решение своих проблем, которые накопились в твоей прежней жизни, если не доверишь свою жизнь этой книге. Ведь ты сам понимаешь — отдаешь жизнь, отдаешь и ее проблемы, все равно, что умираешь.

— Отдать свою старую жизнь?! — перед глазами Власа вдруг пробежали не самые приятные моменты этой его жизни. — Я согласен, — медленно, но довольно убедительно произнес Влас, уже, как будто не замечая лавочника.

— Ты должен быть готов расстаться со всем, что удерживает тебя в этом мире, — продолжил господин Вселдвин, прекрасно понимая, что Власа мало что может удерживать в нем.

Лавочник нежно взял книгу, провел по ней своей широкой ладонью, стирая пыль с названия, повторяя каждое слово, которого касалась его рука: **«Песнь четырех ветров».**

И вдруг эти слова так же, как некогда слово «господин», эхом отозвались в голове Власа: «Песнь четырех ветров... Песнь четырех ветров...»

Мимолетным видением внезапно всплыли образы из прошлого сна, где его огненный спутник, указывая на великую гору, произнес: «Ветер, которым создатель и владыка вдохнул жизнь, из глубин горы в четыре стороны всем людям несет песнь любви и мудрости».

— Влас, Вла-ас? — услышал он сквозь видение голос лавочника — Влас, есть еще одна особенность этих вещей. Ты меня слышишь?

Влас постарался сосредоточить все внимание, устремив свой немного курносый нос прямо на лавочника.

— Бесплезно брать и владеть ими, — продолжил господин Вселдвин, — если ты им не доверяешь. Это главное условие, без которого ничего не получится. Залог службы книги — твоя уверенность в том невидимом, о чем тебе она говорит.

— Я верю, господин. Спасибо вам. Спасибо вам за эту книгу. Я возьму ее.

— Бери, Влас, ее могут взять только избранные... И еще, — вспомнив, поторопился сказать лавочник, куда не убежал Влас, — позволь подарить тебе уже от меня вот этот драгоценный голубой камень.

И он вытащил из своего кармана полупрозрачный голубой кристалл с множеством граней, от которого на потолке, мебели и стенах заиграли веселые блики отраженных солнечных огоньков. Камень по величине был немного меньше кулака Власа. Господин Вселдвин протянул его мальчишке и сказал:

— Бери, это кристалл надежды. Он твой.

У Власа и без того от счастья в глазах «плескалось» море радости, ну а теперь после этого они стали еще и огромными, как само море радости.

— А за что мне это? — недоуменно спросил Влас.

— Ни за что, так захотелось мне, поэтому я его и дарю. Он будет тебе в скором будущем необходим. Только прошу: о нем никто не должен знать и его никто не должен видеть, кроме тебя. Иначе ты его просто не сохранишь. Хорошо?

— Ну, тогда ступай. И дай Бог тебе силы пройти этот путь, — уже себе под нос договорил лавочник.

Зазвенели колокольчики, и парень с кошелкой хлеба и книгой в руках выбежал, пронзая морозную стужу. Прибежав в дом, он первым делом отправился к себе в каморку, где и оставил под подушкой книгу — драгоценное приобретение сегодняшнего дня, а может быть, и всей жизни. Кристалл же он решил оставить у себя в кармане штанов. Благо, что мальчишка был довольно худощавый, а значит, любой подобный предмет просто пропадал в широких карманах его больших не по размеру штанов.

Как он долго не мог дожидаться конца этого дня. И как на удивление складно, вопреки его ожиданиям, длился этот день: его почему-то совершенно никто не ругал, ему даже несколько раз улыбнулись, а работа была не такой грязной, как обычно. Хозяйка (чего от нее в жизни не услышишь) похвалила Власа за совершенно пустяковый труд. Авдотья разрешила взять старый пряник, который завалился в кухонном буфете. Власу после такого даже жить как-то захотелось, но мысли о книге продолжали оставаться главными, оттесняя все это.

Вечером, точнее сказать уже ночью, где-то после одиннадцати, Влас наконец-то добрался до своей каморки. Сбросив с себя рабочий фартук, он кинулся к своей постели, где под подушкой лежала книга. Но вдруг его сердце екнуло! Книги там не было.

— Это, наверное, ищешь?

В дверях стояла такая же толстая, как и ее мама, дочка Авдотьи, Агафья.

— Потерял? — продолжила она издевающимся тоном.

— Отдай, это моя книга, — ответил Влас.

— Ой, книга, книга. Ты, наверное, очень умный?

— Не твое дело, отдай. Я прошу тебя, отдай.

— А то ты, наверно, заплачешь? Но что я за это получу?

— На что тебе эта книга? Верни ее.

Агафья была на один год старше Власа. Читать она почти не умела, хотя знала буквы и пыталась изредка сложить из них слова. Иногда у нее даже получалось. Так и сейчас: ее знаний хватило лишь на то, чтобы прочитать название. Повернув книгу к себе, она, подчеркнуто знающе прочитала: «Песнь четырех ветров».

Агафья часто издевалась над Власом, видя, как небрежно относится к нему остальные домочадцы. И в этот раз, завидев, как еще утром Влас нырнул к себе с какой-то книжкой в руках, она задумала еще одну радость, создавая ее для себя на очередном несчастье Власа.

— Агафья, я не хочу тебе ничего плохого. Зачем ты это делаешь?

Она демонстративно открыла книгу и начала пытаться читать с первой попавшейся ей на глаза строчки. Тон ее был измывающимся и надменным, но лишь в первые секунды. Но каково было ее удивление потом, когда она стала читать:

— А-га-фья, ве-р-ни е-му ме-ня.

Она тут же захлопнула книгу, посмотрела, хлопая глазами, по сторонам, на Власа и промолвила уже тонким и невинным голоском:

— На, бери.

Положив аккуратно книгу на стоящую рядом тумбочку, Агафья безмолвно удалилась.

— Волшебная, — тихо сказал сам себе Влас.

Он взял книгу, положил на колени и потихоньку открыл. В свете мерцающей керосиновой лампы книга казалась особо таинственной. Кожаный переплет придавал ей увесистый и достойный вид, хотя сама по себе она не была очень большой, будучи толщиной с палец взрослого человека.

— Песнь четырех ветров, — шепотом, еле слышно начал Влас.

В его голосе было слышно ожидание тайны с большим желанием раскрыть ее. Он продолжил:

Вначале было то, что существует и сейчас,
Но вот, увы, не видит человеческий то глаз.
Все вольно людям заново познать,
Необходимо только лишь взалкать.

Се песнь эта четырех ветров любви,
На крыльях, что несут приход зари,
Что раздирают покрывало мглы
И открывают, что есть наследник ты.

Наследник в детстве все одно, что раб,
Закованный неволей, будто краб,
Подвергнутый вещественным началам,
Хотя и господин отнюдь не в малом.

Забыл об этом всеу человек,
И стал нелепо тленным его век,
Но посланы ветра, чтоб разбудить,
И царствовать, и побеждать, и жить.

Так по приходу в сердце четырех ветров
Освобожден ты из среды рабов,
Свободным Ветром, сыном возвращаясь
В свою страну, доньше все скитаясь.

Теперь на то, что видно, не смотри,
Невидимое правит всем, его ты зри,
Оно в тебе и Ветер ему жизнь дает,
Плен разрушая, в новый мир ведет.

Эти слова были как волшебное заклинание. С каждым разом проникая все глубже и глубже внутрь, они будто выворачивали Власа наизнанку, откликаясь в душе теплым таинственным голосом. В комнате также стали происходить не очень понятные вещи: то тут, то там появлялись проблемски голубовато-белого света, а слабые потоки свежего дуновения как бы ненароком ласково задевали лицо Власа. Несмотря на то, что он ничего из прочитанного не понимал, слова, тем не менее, оказывали на него мистическое воздействие. А необычные явления, что со всех сторон окружили его, создали где-то внутри совершенно непривычные новые ощущения, отчего усилилось даже сердцебиение. На душе стало неспокойно, и он тут же оторвался от книги.

— Кто здесь? — вырвалось невольно у Власа.

В ответ подозрительная тишина все так же продолжала давить на уши. Однако это не успокоило его и произвело, скорее, обратный эффект. Испугавшись окончательно, Влас просто захлопнул книгу и тут же все прекратилось.

— Показалось, — с чувством облегчения и небольшого сожаления промолвил он.

Однако усталость делала свое дело. Посидев так еще несколько минут, Влас просто не смог уже сопротивляться сну. Медленно свалившись в кровать, на которой сидел, незаметно для себя он уснул.

На этот раз не случилось никаких снов и видений, ночь пролетела незаметно. Утром Влас проснулся, как и всегда, очень рано. Надев свой рабочий фартук и обувь, он тихо поплелся на кухню. Но это не значило, что он все забыл. По мере того, как он просыпался, его сердце больше и больше наполняло жгучее желание вновь соприкоснуться с этим таинственным и непонятным миром, о котором теперь знал и в который он, чуть было, не попал. Именно так, уже с точки зрения этого утра, воспринималось то необычное событие вчерашнего вечера.

Весь день Влас прожил одним лишь желанием: окунуться в манящий и непонятный мир книги. Помимо этого, каждый раз, как только освободились от работы его руки, он проверял свой широкий карман и, находя там голубой камень, довольный, вновь принимался за дело. Таким образом пролетел и этот день, как и многие другие, подобные ему. Однако уже ближе к его концу Власа стали посещать тревожные мысли об Агафье. Ведь она опять могла забрать его книгу или рассказать кому-нибудь о ней. А спрятать ее в своей каморке ему было негде. Вечером, когда его наконец отпустили, опасаясь повторения прошлого, он с волнением подошел к двери и открыл ее. Каково же было его облегчение, когда он увидел, что в каморке никого не было, а книга так и лежит на его кровати.

Мысли сразу же перенесли его обратно, вновь возвращая в сладостное предчувствие неизведанного. Сегодня этого уже просто хотелось, а вчерашнее малодушие казалось потерянной возможностью, правда, еще непонятно чего. Трепетно открыв книгу, он решил начать заново, поставив перед собой цель не просто прочитывать и что-то почувствовать, но и понять, о чем же идет речь в этих загадочных строчках на пожелтевших от времени страницах.

Приблизившись к концу вчерашнего отрывка, Влас даже не вспомнил, что вчера на этом самом месте вокруг стало происходить нечто необыкновенное, все потому, что сегодня для него те же самые слова стали раскрываться по-новому. Глубоко погрузившись в мысли, он не обращал ни на что внимания. Более того, сами слова, будто ожившие, проникали в самое сокровенное и разлетались, словно маленькие феи, наполняя его изнутри. Однако главным для Власа стало не это, главным было значение слов. Он вдруг услышал фразы, непосредственно обращенные к нему. Это были слова о наследнике, что должен вернуть свое наследство, и о Ветре, который призван помочь ему.

Постигнуть жизнь без движения никак,
А коль не ищешь — ты все тот же раб.
Лишь Ветра дети, движимые им идут.
Но сонаследник в детстве — тяжкий труд.

Поскольку это все движение вперед,
Подъем на Гору, а не наоборот.
Там, где откроются глаза, и новым станет путь,
Сей сокровенной цели, друг мой, не забудь.

И все же временные трудности отнюдь не то,
Чтобы сравниться с будущей славой могло.
Но более того, с надеждою великой ждет тебя
Стенающая тварь до нынешнего дня.

От одного же рабства ждет спасения она
В свободу славы сыновей добра,
Несущих силу в простоте вещей.
Ответь сей песне, человек, скорей!

Она звучит во всех концах земли,
Вам разнести ее ветра смогли,
Что в сердце в один порыв слились.
И Ветром этим многие спаслись.

Но род людской, стесненный недоверьем,
Живет, довольствуясь пустым поверьем.
Он погибает от незнания и обмана,
Имея власть, связать лукавого тирана.

Но не спеши наскоком зло сломить,
Ведь следует еще живой воды испить.
Пройти пустыни тень, и зов трубы познать,
А прежде все то должен ты избрать.

Очистив руки, взвесив самого себя,
Чрез залу избранных с достоинством пройдя,
Что скрыт ключом, как камень голубой,
Соприкоснись с ним правою рукой.

И только после этих строк, которые были прочитаны Власом настолько внятно и вдумчиво, что его вряд ли могло что-либо отвлечь, он тихо поднял голову. Перед его глазами открылась необычная картина: вся комната переливалась изумрудно-голубыми красками, этот свет сам по себе то нежно появлялся, то угасал во всех местах каморки мягкими вспышками. Слух Власа то и дело воспринимал непонятные, едва уловимые волшебные звуки. А дуновения с явными запахами свежести, так же, как и в прошлый раз, ласково оведали лицо.

Постепенно до его сознания стало доходить, что он уже давно чувствует нежное тепло, исходящее из того самого кармана, где лежал камень. Оно-то и согревало все это удивительное время Власа, мирно растекаясь по его телу и далее распространяясь уже по всей каморке. Камень, излучая изумрудно-голубой свет, насквозь пронизывал довольно толстые штаны Власа. Более того, свет этого поразительного кристалла был настолько ярким, что просвечивал не только штаны, но и руку Власа, когда он все-

таки решил осторожно вытащить эту диковинку из кармана. Поскольку свечение было очень сильным, самой руки Влас так и не увидел, свет как бы растворил ее своими живыми играющими лучами.

«Так вот откуда этот чудесный свет повсюду», — подумал Влас.

После этого он старался ни о чем больше не думать, но лишь наблюдать за происходящим в его руке, потому что она продолжала медленно погружаться в растущее облако света, исходящего от камня. Но понаблюдав так несколько минут, Влас в нерешительности решил все-таки пока положить камень на тумбу. Однако как только он это сделал, в его голове всплыли последние строки, прочитанные им только что в книге: «Очистив руки, взвесив самого себя, чрез залу избранных с достоинством пройдя, что скрыт ключом, как камень голубой, соприкоснись с ним правою рукой». Он посмотрел на камень, потом на руку, с которой происходили удивительные метаморфозы, потом снова на камень и опять на руку. Постепенно Влас начал осознавать реальность прочитанных им слов. Принимая на веру то, о чем повествовала книга, незаметно для себя он становился тем, о ком она говорила.

Помедлив еще немного, он, собравшись с духом, протянул правую руку и медленно положил ее на камень. И вновь, как и прежде, изумрудно-голубое свечение, словно ожив, засияло манящим теплым светом. Сначала оно поглотило собой кисть Власа, потом запястье, локоть, все больше и больше разрастаясь на глазах восхищенного мальчишки. Вскоре свет полностью залил его, однако теперь он совершенно не хотел отпускать камень, боясь снова потерять нечто великолепное и прекрасное, чего не мог пока еще знать. Уже через несколько минут он совершенно ничего не видел, кроме удивительного света, окружившего его радостными переливами со всех сторон, и камня, находившегося в его руке. В таком возвышенном состоянии, не отпуская из руки кристалл, он пробыл еще некоторое время. Тем не менее, ничего более не происходило.

«И что теперь? Так ничего больше и не будет, только свет вокруг?» — начал подумывать Влас, пытаясь всмотреться в глубину возникающих образов и отыскать для себя там какой-нибудь ответ.

Но немного погодя он заметил, что камень, лежавший все это время непонятно на чем, уже не излучал, а скорее сливался с окружающим светом. А руку уже можно было отчетливо разглядеть, как если бы это происходило просто ярким днем. Его попытки увидеть что-нибудь еще, по мере того как он привыкал к такому свету, потихоньку начали давать зримые результаты. Прошло еще немного времени, и он неожиданно для себя стал усматривать вокруг возникающие контуры чего-то и кого-то.

Глава 3

ЗАЛ ИЗБРАННЫХ

— Ты можешь опустить руку, — услышал Влас уже знакомый голос.

Сделав это, он увидел, что постепенно вся световая феерия спала, и перед ним открылся великолепнейший зал. Такой торжественной красо-

ты он никогда еще не видел и не смог бы никогда представить ее себе, даже если бы сильно захотел, настолько красивым перед ним возникло зрелище: огромный зал со сходящимися сводами, величественные золотые колонны, мозаичные полы и зеркальные стены. Это был, скорее даже, не один зал, а несколько, плавно перетекающих один в другой, разделенных между собой колоннами и акведуками арочных сводов. Богатство убранства не поддается описанию: там имелась и роскошно-ювелирная отделка, оформленная разнообразной резьбой, и барельефы удивительных животных, что смотрели вниз со стен и сводов зала, и фантазмагория гротесков, украшенных драгоценными камнями в искусной оправе. Серебряные вензеля воздушным узором венчали капители колонн, а по стенам висели как будто живые цветочные орнаменты с причудливыми акантами.

Но большее удивление Власа вызвали «обитатели» этого зала. Это были на редкость удивительные и красивые существа. Однако...

«Где же я их видел?» — все время крутилось в его голове. — «Ах, да, ... сон! — вдруг вспомнил он. — «Несомненно, это был сон. Они точно такие же, как и...»

Влас остановился, потому что увидел именно того, кто совсем недавно, несколько ночей назад, сопровождал его по улицам и площадям незабываемого города.

— Вы?!

— Да, это я. Думаю, ты еще не забыл моего имени?

— Я помню, вас зовут Нажааший!

— Я и все мы, находящиеся здесь, приветствуем тебя и готовы служить и всегда помогать тебе, — обводя рукой весь зал, промолвило это прекрасное существо.

А зал был наполнен ими. Все они приветствовали Власа, уважительно и с достоинством кланяясь ему.

— Кто они? — спросил Влас, обращаясь к Нажаашию.

— Все мы огнилы, одно из многочисленных творений этого мира, пришли сюда, дабы засвидетельствовать тебе свое почтение, — ответил Нажааший.

— Меня... Но за что? Почему? Разве я достоин этого?

— Речь идет не о том, достоин ты или нет. Ты был избран. А это намного важнее.

Все чувства мальчика сжались в маленький комочек, который залетел не в свою тарелку. Он никак не мог отождествить себя с данной реальностью и с тем местом, куда попал, ощущая себя все время лишним, случайно попавшим на этот роскошный «бал» красоты. Немного погодя один из огнилов, выступив вперед, сказал:

— Не сомневайся, Влас. Все мы, стоящие здесь, даны тебе для того, чтобы помочь в надвигающейся битве.

Далее он объяснил Власу, что сначала ему необходимо выбрать путь, по которому им всем должно пройти. И этот выбор будет являться серьезным испытанием его намерений, отчего будет зависеть будущее. От имени всех присутствующих огнилл обещал Власу помощь и поддержку, чтобы в дальнейшем он, избранный, не сбился с пути, ему предназначенного.

Пока незнакомец объяснял, они неспешно двинулись вдоль крайней колоннады зала. За это время Влас успел разглядеть еще одну интересную особенность. Каждый пролет между колоннами на границе зала

завершался не глухой стеной, а дверьми. В итоге получался круг, который куда ни взгляни, ограничивался лишь ими. Конечно, Влас не успел пройти по всей окружности зала, но все же ему достаточно удалось разглядеть, чтобы убедиться в этом.

Двери были разнообразны: некоторые — сказочно красивые, некоторые достаточно скромные. Были такие, которые прельщали и манили к себе. Над каждой из них была какая-то надпись, говорящая, видимо, о том, куда ведет она. Лучше разглядеть надписи у Власа не было возможности. Тем не менее, ему бросилась в глаза одна необычная дверь, что почему-то вызывала лишь ужас и смятение. Причем она совсем не была уродливой, нет, к ней просто было страшно подойти: она была необычно маленькой и слишком темной по сравнению с другими дверьми, вполне возможно, что именно от этого при взгляде на нее становилось так жутко и неприятно. Мрак окружал ее так, что даже не было видно, есть ли над ней, как над другими дверьми, хоть какое-нибудь название. Более ничего похожего Влас в этом зале не видел, вот почему она так ему запомнилась.

К Власу подошел Нажааший:

— Прежде чем ты сделаешь выбор, тебе необходимо знать о главной причине того, почему ты здесь и о том, какую цену имеет твой выбор.

Воцарилась безмолвная тишина. Вдруг, как по приказу, огнилы расступились, и перед Власом образовался живой коридор, ведущий вглубь зала, в самом центре которого стоял невысокий обелиск. Его верх венчала абсолютно совершенная в своем исполнении античная капитель с небольшой площадкой из темного малахита. На площадке, в скромной резной чаше из того же материала, находился искусно вписанный в нее довольно крупный красный кристалл. Он был больше похож на рубин, однако его прозрачность и бездонная глубина говорили о его необычной природе.

Нажааший и Влас неспешно подошли к нему. Вокруг обелиска по полу расходилось семь разноцветных, по количеству цветов радуги, мозаичных кругов. И когда они остановились у последнего, красного круга, Нажааший сказал:

— Весь этот зал, мы и все миры, равно как и сам человек, — Нажааший посмотрел на Власа, — могли бы и не существовать, если бы не...

Вдруг разом, одновременно со словами Нажаашия в полной тишине величественно преклонились все огнилы. После чего Нажааший продолжил:

— Если бы не великий Мечтатель, вдохнувший Ветром во все это жизнь. Главная причина твоего появления здесь — это он и, разумеется, твое желание, которое ты изъявил. Он избрал тебя, чтобы ты мог воплотить его великую мечту, быть его другом и сонаследником одного из миров, придуманных им. Это является проявлением величайшей любви и милости к тебе. Но выбор налагает на тебя большую ответственность, которую разделит с тобой Ветер, поэтому ты должен довериться ему во всем. Однако наберись терпения, результат ты увидишь не сразу, плод должен выречь, для чего тебе необходимо пройти весь путь, вложив в этот плод немалый труд. — Дав немного обдумать все сказанное, Нажааший взял Власа за руку и, указав на красный кристалл, добавил:

— А сейчас ты можешь прикоснуться и к этому камню, главному камню

Вселенной, который есть ключ, открывающий для тебя этот непростой, но удивительный путь.

Когда Влас вошел в последний, красный круг, его охватило необъяснимое волнение. Он посмотрел на камень и вдруг осознал, насколько тот был прекрасен и страшен одновременно. Ему невероятно сильно захотелось узнать, что же это такое, и он с волнением протянул руку к красному кристаллу, в котором неожиданно для себя заметил обращенный к нему взгляд бездонных страдающих и в тоже время любящих глаз. Пораженный этим взглядом, Влас прикоснулся.

О ужас, тьма, крошечная тьма объяла его. Это было не просто неожиданно, это было шокирующе после той красоты и света, в каком он пребывал до сих пор. Тот страх, который чувствовал Влас в кристалле еще до соприкосновения с ним, стал необъяснимо усиливаться и перерастать в ужас, объявший его со всех сторон. От этого Власу стало не по себе, ему захотелось вырваться, убежать отсюда. Но куда? Вокруг была мгла.

Вскоре он услышал отдаленные крики. Где-то сквозь обволакивающую пелену страха и глухой тьмы он едва смог различить слабые голоса страдающих людей. Однако это видение длилось недолго, вскоре его стали перебивать какие-то крики, стуки и даже нечеловеческие вопли. Что только ни перебрал в мыслях Влас, о чем только ни подумал. В его голове появлялись то пугающие картины мучений, то невероятные сцены кровавых баталий. Оправдалось последнее: немного погодя перед глазами Власа открылось поле жестокого сражения. Кишащее месиво безобразных существ с неистовой ненавистью атаковало группу противостоящих и стойко дерущихся людей. Не сказать, чтобы группа была маленькой, но и большой ее невозможно было назвать. Безусловно, уродливых существ, постоянно откуда-то из тьмы пополняющих свое число, было намного больше. Но это совсем не мешало отважной группе успешно противостоять им и медленно продвигаться вперед.

Людей Влас толком не мог различить, потому как находился немного в стороне от самой битвы, однако даже здесь было заметно, как особо невероятно и смело сражался один из идущих впереди. По всей видимости, он был лидером этих отважных и дружных людей. Влас в какой-то мере даже увлекся этой эпической битвой и для него уже не очень важны были те неприятные ощущения, которые вызывали омерзительные существа, наполняющие все это пространство. Он был полностью поглощен героизмом этой группы и бесстрашием ее лидера. Куда шла группа, зачем шла, Влас не понимал, однако над ними развевалось большое белоснежное знамя, ярко выделяющее его представителей из среды нескончаемой жуткой тьмы. На знамени алыми буквами было написано:

Начатку дано сие совершить,
Дабы незрячим очи открыть,
Аттоном плененных освободить,
С потерянным светом свой мир примирить.

«Наверно это и есть цель, которой подчинили свою жизнь эти люди», — подумал Влас. Дух огня, которым были наполнены они, не мог оставить его равнодушным. Пропал всякий страх и угнетение, которое он чувствовал раньше, взамен пришла храбрость и желание быть рядом с этими

мужественными людьми, быть похожим на них. Он стал как будто один из них, остро переживая происходящие события.

Вдруг послышался невероятно омерзительный рык, пришедший из ниоткуда, после которого вся нечисть неожиданно замерла. Для нее, по-видимому, это была какая-то команда, потому как, прекратив бой, она, внезапно развернулась и, словно потеряв интерес, направилась в обратную сторону от сражающихся людей. Однако для отважного лидера это не стало неожиданностью. Не долго думая, он вынул трубу и громко, заглушая стоящий там шум, затрубил. Уродливая тварь вновь остановилась. В это самое время лидер повернулся к своей команде и что-то стал им говорить. Все они, склонив головы, простояли так еще несколько минут.

И вот, словно в ответ, из тьмы вновь послышался омерзительно резкий рык и тяжелые шаги невообразимо большого, судя по ударам ног, существа. Оно приближалось. Вскоре толпа безобразной твари расступилась и образовала пространный коридор. Издали Власу не было видно деталей, но ему вполне хватило того ощущения, что возникло у него при появлении этого страшного существа. Оно распространяло вокруг себя такой же ужас, какой ощущал Влас при своем недавнем появлении здесь.

Дальнейшему описанию тьмы и того страха, что она может вызвать, думаю, не стоит уделять особое внимание. По той же самой причине и Влас не стал придавать особого значения тем чувствам, которые пытались снова захватить его сознание. Он старался овладеть ими и понять суть происходящих событий, хотя, на первый взгляд, происходило нечто непонятное и не поддающееся объяснению. Омерзительное существо, которое появилось из тьмы, спокойно подошло к отважному лидеру и немедленно стало о чем-то с ним говорить. Через некоторое время, поговорив, страшное существо также спокойно удалилось, издав напоследок свой омерзительно резкий рык. И тут, вопреки ожиданиям Власа, мерзкие твари не исчезли, но с еще большей яростью накиннулись на мирно стоящих людей. Влас был поражен: он не увидел прежнего, сопротивления. Их лидер стоял, низко опустив голову. Хуже того, они не стали даже сопротивляться. «О, Боже!» — пролетело в его мыслях. Не один из них не поднял и руки. Они отдавали себя добровольно на растерзание этим мерзким чудовищам, совершенно не защищая себя. А те, в свою очередь, бросались и, вгрызаясь в тела, разрывали их на части хуже прожорливых рыб пираний, о которых когда-то слышал Влас. Все было похоже на кровавый пир торжествующего зла. Казалось даже сама боль, которую они испытывали, передалась Власу. Было невозможно смотреть на то, как эти люди переносили нечеловеческие страдания, особенно тяжело пришлось их лидеру, самому первому и доблестному среди них воину. К нему эти мерзкие существа испытывали какую-то особую ярость. За каких-то несколько минут грязная масса озлобленной твари просто завалила собою людей, после чего все постепенно закончилось.

Горе и непонимание всего происшедшего разрывало сердце. Жуткое отчаяние и скорбь нахлынули, как неисчерпаемое море, заливая слезами глаза. Что это? Как такое могло произойти? Почему им была уготована такая судьба? Вопросы лились рекой, но ответов не было. Мрак, казалось, еще больше окутал Власа, и тьма сгустилась над ним. Сокрушенное сердце искало поддержки. И из его уст непроизвольно вылетело:

— Помогите-е-е. Помогите-е-е.

Звук безответно уходил в пустоту. Влас упал.

— Помогите мне кто-нибудь. Ответьте мне... Что же теперь делать? — вконец обессилив, вопрошал он.

Неожиданно пронеслось дуновение неведомо откуда взявшегося ветра, зашевелив русые волосы Власа. Потом еще и еще. Казалось, все вокруг задвигалось и зашевелилось, но видимых перемещений не было, ведь тьма все так же окружала его. Присутствие ветра ощущалось везде, его потоки, не переставая, обнимали Власа, высушивая его слезы, а вскоре, набрав силу, они приподняли его. Через какое-то время Влас почувствовал, что он парит словно на невидимых крыльях воздушных потоков, поднимающих его в бесконечную пустоту.

Однако Власа это не пугало, наоборот, ему становилось лучше. Легкие наполнял воздух, что принес чистый и свежий ветер. А в голову на место убивающих горьких мыслей пришло понимание, что он здесь совсем не один. И как только он это понял, сквозь шум гудящего потока он осознал, что оказывается, все это время его. Через какое-то время Влас почувствовал, что он парит словно на невидимых крыльях воздушных потоков, поднимающих его в бесконечную пустоту.

— Хотя нет, — осенило его. — Этот шум и ветер в ушах... Да, это он! Получается, именно он говорит со мной?!

Влас тщательно стал прислушиваться, а не противиться наполняющему все вокруг ветру. Постепенно звуки стали обретать некий смысл и даже формироваться в слова.

— Жив, жив, жив, — разносилось то тут, то там. — Ждет, ждет, ждет.

— Кто ждет? — вслух удивился Влас.

— Ищи, ищи, ищи, — продолжало шуметь в ушах.

— Кого? — все так же недоуменно вопрошал он.

— Ищи, ищи, ищи, — все так же звучало в ушах.

Влас понял, что речь идет о том самом, храбро сражавшемся лидере, которого он совсем недавно видел.

— Но зачем искать? — опять спросил он.

— Цель, цель, цель. Ответы, ответы, ответы, — прозвучало в ответ.

И далее, как завершающий аккорд:

— Там, там, там, уз-на-ешь все, все, все.

И, действительно, все. Разом все оборвалось и умолкло. Ветер утих, ослабив свой захват, шума не стало, а вместе с ним не стало и голоса. Власа резко потянуло вниз, и он просто упал на пол. Все произошедшее измотало его и окончательно лишило сил, как будто, выждав момент, мертвым грузом свалилось на его плечи. Он потерял сознание.

Сколько это продолжалось, сказать трудно, но очнулся Влас все с тем же ощущением. Ему было трудно понять, что же с ним произошло? Картины последней битвы стояли перед его глазами, и отзвуки криков эхом проносились в голове. Подобные воспоминания вызывали сильную досаду и непривычную сердечную боль, отчего на его глазах вновь появились слезы. Он безузешно зарыдал, словно заново попал на это сражение, словно его разлучили с лучшим другом всей его жизни. Он не понимал, почему он так сильно нуждается в нем. «Почему?» — думал он, — «ведь я был бессилен».

— Неужели я мог что-то сделать? — вслух произнес Влас.

— Нет, Влас, ты ничего не мог сделать. Не надо винить себя, ты здесь не для этого, — вдруг послышалось откуда-то сверху.

Мальчик медленно поднял голову. Перед ним стояло огненное существо. Заплаканные глаза не позволили ему сразу узнать своего старого спутника Нажаашия, который продолжил:

— Всеу свое время, Влас. Время сетовать и время действовать. Твое время еще не пришло. Тебе необходимо было знать это, и ты это увидел. А сейчас... видишь этот камень?

Перед Власом лежал все тот же красный кристалл, которого он когда-то коснулся, но вот размером он был почему-то меньше. Посмотрев на него, Влас кивнул головой.

— Возьми его и съешь, — сказал Нажааший.

— Съесть? Но зачем?

— Ты должен это сделать.

У Власа больше не возникло вопросов, он послушно выполнил то, о чем его попросили. И как только он это сделал, его вдруг наполнило жизненной силой и легкостью. Невероятное ощущение свободы и радости воскресило его из прежнего состояния и поставило на ноги, как обновленного человека. Но новым стал не только он, новым стал как будто и весь зал, где Влас снова оказался, и даже огненные существа, огнилы, которые его окружали. Мысли текли уже поиному, умиротворение наполнило его сердце.

— Ты изменился, — заметил его огненный спутник.

— Чем же, Нажааший?

— А тем, что у тебя теперь другое сердце, но ты поймешь это потом. Сейчас ты можешь следовать дальше. Но для этого мы хотим подарить тебе то, без чего твой путь будет невозможен.

После этих слов огнилы расступились, и один из них торжественно вынес меч. Он не был слишком большим или слишком маленьким. Меч был как будто специально сделан для Власа, и это стало прекрасно видно, когда он взял его в руку. Словно влитая кисть обьяла рукоять меча, победоносно подняв его вверх. Трудно передать торжество того момента и восхищение Власа, которое он испытал, держа этот меч.

Меч был настолько красив и идеален, что казался самым совершенством, трудно было даже поверить, что он предназначен лишь для войн. Его зеркальная поверхность играла бликами отраженного света на лице счастливого Власа, когда тот держал его перед собой. Меч был не только прекрасен, но и легок. Его золотую рукоять украшала искусная инкрустированная серебром резьба, а в перекрестии, в центре дельтодона, находился красный кристалл, похожий на тот, что он недавно съел. Это удивило Власа, но вида он не подал.

— Береги его как зеницу ока, — сказал Нажааший, — и применяй лишь тогда, когда в необходимости этого будешь точно уверен. Есть особое правило: меч нельзя использовать просто так. Он слишком важен для всех нас и имеет необычную силу, которой может управлять лишь любовь.

— Наверно потому что он... живой, — уже с восхищением смотря на меч, продолжил Влас.

И словно в ответ нежным еле заметным светом замерцал кристалл меча, вторя необычному теплу, которое вдруг почувствовал в груди Влас.

Тепло пульсировало, растекаясь волнами по всему телу, соединяя мальчика и меч в одно целое.

— Да, Влас, — пояснил Нажааший, — ты и он теперь связаны главным камнем вселенной, который отныне есть в тебе и в твоём мече. Помни это. Ну а теперь нам нужно продолжать путь.

Влас вложил свой меч в ножны, и они направились к уже знакомым ему дверям, окаймляющим весь зал избранных. Подойдя к ним, они остановились.

— Нажааший, я заметил, что в зале существует множество дверей. Но куда они ведут? — спросил Влас.

— Ведут они все в одно и то же место, называемое первым небом. В зависимости от того, какую ты дверь выберешь, таким и будет твой путь там. Ты не смотри на то, что в этом зале могут быть только избранные, это не гарантирует, что дверь, которую ты откроешь, будет вести тебя туда куда нужно. Потому что путь избираешь ты сам, и за то, куда он тебя приведет, будешь отвечать тоже ты, — ответил Нажааший.

— Но как догадаться, какую мне дверь необходимо выбрать?

— Все зависит от того, какое у тебя сердце. Ищи ответы в нем. Не бойся, спрашивай себя, на что ты должен найти ответ в своей жизни. Лживое сердце даст ложный ответ, правдивое сердце направит на истинный путь. Никакого другого способа выяснить это здесь нет.

— Тогда почему эти двери такие разные, одни сверкают и светятся, другие отпугивают?

— Все потому, что каждая из этих дверей скрывает за собой определенную истину. И чем меньше людей обращают внимание на эту истину, тем печальнее и мрачнее становится эта дверь.

Влас стал присматриваться к дверям, мимо которых они проходили. Название одной гласило — «Сила в справедливости»; другой — «Мудрость и познание»; третьей — «Успех, как процветание»; четвертой — «Мысли о прекрасном». Была дверь, название которой звучало уж слишком заманчиво и привлекательно: «Стремление к любви». Все эти двери блистали и светились собственным светом. Однако из головы Власа никак не могла уйти та темная и жуткая дверь, которую он повстречал прежде.

Его размышления прервал Нажааший:

— Я вижу, Влас, ты готов к выбору... Тогда вынужден сообщить, что мы должны покинуть тебя.

— Почему? Зачем вы уходите? — всполошился Влас.

— Дело в том, что мы не имеем права каким-либо образом влиять на твой выбор, а значит и находиться в такой момент здесь. Но ты не печалься, твое сердце теперь обновлено, слушай его и тогда мы обязательно еще встретимся с тобой.

— И когда же это произойдет?

— Тогда, когда ждаты этого будешь меньше всего. Теперь же ступай и пусть тебе мое последнее напутствие будет в помощь. Запомни: твой вопрос всегда обернется ответом, если ты действительно желаешь найти истину.

— Ну а как же я пойму, ищу я истину или нет? — как бы вдогонку спросил Влас.

— Настоящий поиск истины и есть начало истины, — уже удаляющимся голосом ответил огнилл.

После сих слов Нажааший и находившиеся с ним огнилы словно растворились в воздухе огромного зала. Стало тихо и одиноко. Влас вновь повернулся к дверям.

«Что ж, — подумал он, — надо идти. Только бы мне найти правильный выход или, точнее говоря, вход».

Проходя мимо блистающих и не очень дверей, Влас вдруг поймал себя на мысли, что они совершенно не привлекают его, как думалось. Более того, чем-то они стали даже утомлять. Навязчивый блеск скорее отталкивал, чем прельщал.

«Темная дверь, — промелькнуло в его голове, — где же она, темная дверь?»

Ему вдруг сильно захотелось ее увидеть и понять, что скрывает за собой эта всеми забытая дверь. Он начал с нетерпением искать ее, пробегая и не обращая уже никакого внимания на другие двери. Вдруг в одном из самых отдаленных мест в зале он увидел ее. Но что это? Только что все мысли были о ней, а сейчас вновь пугает и отталкивает? В таком смятиении он не мог вот так просто взять и зайти туда. Опять нахлынуло прежнее чувство страха. Руки, ноги противились даже подойти к ней, не говоря уже о том, чтобы открыть. Влас отшатнулся.

Боязнь сделать неправильный выбор боролась с любопытством, на место решительности приходило отчаяние. Эта дверь притягивала и пугала мальчика одновременно. Она не выкрикивала назойливо и ярко о себе, как другие, она скорее говорила: «не ходи сюда, здесь опасно». Власу пришлось подойти вплотную, чтобы прочесть о ней. Название двери гласило: «Правда о себе».

Сердце в ответ на прочитанные слова отозвалось знакомым уже теплом, но разум все также отказывался понимать. Ему стало не по себе, мысли роем замельтешили в голове, не давая ни единого шанса прорваться голосу сердца и интуиции. Разные «за» и «против» начали бороться и раскачивать и без того шаткое положение Власа. «Что это за странная дверь?» — подумал Влас. В изумлении он снова отошел от нее.

Да, это испугало Власа. Я думаю, испугало бы и каждого. Кто хочет знать о себе полную неприкрытую правду? С ней ведь тогда придется что-то делать.

И все-таки внутренний голос сердца был услышан. Он буквально кричал, прорываясь сквозь ворох суетных мыслей: «Если ты туда не пойдешь, не сможешь достичь всего того, о чем помышлял. Но если ты решишься, то познаешь то, что и глаз твой не видел, и ухо твое не слышало». Влас вздохнул. Вмиг ушли еще крутящиеся перед глазами яркие двери, многообещающие названия и радужные грезы, которые они навевали. Влас вдруг вспомнил битву, тех доблестных людей во главе с отважным воином, страсти, которые кипели не только на поле брани, но и в его душе. Каким же мелким ему показалось все это в свете того подвига, что совершили эти люди. Никчемные призывы и глупые мечты померкли по сравнению с правдой, которую захотелось знать. Ему почему-то показалось, что дверь каким-то образом связана с тем отважным лидером, что возглавлял команду храбро дерущихся воинов. И это еще больше подогрело его желание. Ни блистающие двери, ни страх перед неизвестным за этой мрачной дверью уже никак не могли повлиять на Власа. Он, исполненный решимостью и мыслью о доблестном воине, открыл эту дверь.